

В итоге Се Сихэн все-таки завел собаку, но только в промежутке между восемью вечера и полночью.

Это была породистый бордер-колли, еще молодой и не очень крупный. Даже люди, мало разбирающиеся в собаках, могли с первого взгляда определить, что это превосходный экземпляр — изящный и красивый, идеально соответствующий человеческим эстетическим стандартам.

Хотя его звали «Шуаньцзы», это было всего лишь прозвище. У собаки было официальное имя: Цзо Сяоми.

Поэтому, когда Се Сихэн передал собаку Чи Вану, назвал имя «Сяоми»*.

ПП: Маленькое зернышко.

Чи Ван невольно мысленно посетовал: Почему они все дают своим собакам такие странные имена, и все они — названия продуктов!

Даже Се Сихэн не избежал этого.

На шее у Сяоми было большое золотое украшение. Чи Ван взглянул на него и спросил:

— Старший, мне его снять?

Это была собака из богатой семьи, Чи Ван понимал, это было настоящее золото. Лучше не потерять его.

— В этом нет необходимости, — ответил Се Сихэн.

— Хорошо, — сказал Чи Ван, решив, что будет за этим следить.

Он надел на Сяоми поводок и вывел его на улицу.

Хаски проявлял к Сяоми довольно большой энтузиазм и не выказывал никакого дискомфорта, но Сяоми держался отстраненно и игнорировал хаски.

Чи Ван часто оттаскивал хаски, чтобы тот не беспокоил Сяоми. После многочисленных таких попыток он чувствовал себя совершенно измотанным.

Он понял, что выгуливать двух собак не так-то просто, как ему казалось.

Хуже того, когда Сяоми покакал, хаски попытался съесть его сразу же. Испугавшись, Чи Ван бросился к нему, чтобы отобрать у Сяоми его экскременты.

Он схватил их через полиэтиленовый пакет и выбросил в мусорное ведро, спасая экскременты Сяоми.

Это было поистине хаотичное зрелище

После прогулки с двумя собаками Чи Ван почувствовал себя морально истощенным. Он вернул хаски хозяину, а затем пошел возвращать бордер-колли Се Сихэну.

Хотя Се Сихэн жил в том же районе, богатые люди, естественно, могли позволить себе отдельные дома. Из двух единственных отдельно стоящих вилл в этом районе Се Сихэн занимал одну.

Комната была просторной, но не вычурно оформленной — в минималистичном стиле и довольно пустой.

Чи Ван не зашел внутрь; как и в случае с хаски, он передал собаку хозяину у двери.

Выгуляв двух собак, он вернулся и крепко уснул. Когда он открыл глаза, было уже 6:50 утра, почти семь.

Черт возьми, что происходит!

Его утренняя пробежка была полностью сорвана. В такое время какой смысл бегать?

Смирившись, Чи Ван пошел покупать завтрак. Он больше не ел булочки; на самом деле, он считал, что продавец использует некачественные ингредиенты, и запретил Ло Ляньюню и Шу Тинью тоже их есть.

Поэтому на завтрак он купил им кукурузные булочки и соевое молоко.

Ему самому досталась миска густой каши и упаковка острых маринованных горчичных листьев — то, что он раньше не любил, но теперь ему очень нравилось.

Приступы тошноты и рвоты у него значительно уменьшились и стали нечастыми, не влияя на его жизнь, поэтому он не придавал этому особого значения.

Но, честно говоря, Чи Ван чувствовал себя немного странно. Его энергии было меньше, чем раньше, и это было беспрецедентным явлением.

Это его беспокоило, поскольку сказывалось на его учебе и работе.

Во время учебы и репетиторства он чувствовал сонливость; даже короткий сон не мог восстановить его силы.

Он не мог обсуждать это с Ло Ляньюнем, который работал так же, как поиск в интернете, загнули болезнь — и тебе скажут, что ты умираешь.

Поэтому Чи Ван потратил собственные деньги на покупку астрагала и кодонопсиса и ежедневно заваривал из них чай. Эффект был поразительным: Чи Ван снова был полон энергии!

«В мире нет ничего сложного» — таков был его девиз.

По мере приближения промежуточных экзаменов погода становилась прохладнее.

Остатки лета постепенно рассеялись; осень прочно обосновалась в городе.

Кондиционер в аудитории был выключен. Хотя в помещении все еще было немного душно, это было терпимо. Двери и окна были широко открыты, и легкий ветерок создавал вполне комфортную атмосферу.

Чи Ван пересел с занятого им места на место у окна.

По мере приближения промежуточных экзаменов добросердечные учителя выделяли ключевые моменты для студентов, в то время как холодные и безжалостные ограничивались поверхностным обзором, не вдаваясь в подробности и даже не задавая ни одного вопроса.

И Ло Ляньюнь, и Шу Тинью учились на среднем уровне. Будучи вынужденными усердно учиться в старшей школе, они теперь больше склонялись к тому, чтобы наслаждаться жизнью в университете — обычно это называют «плыть по течению».

Поэтому они никуда не спешили; если были ключевые моменты, они их запоминали; если нет, то это не имело значения. У них был отличный настрой.

Даже если бы они провалили экзамен, это не было бы большой проблемой. Они могли бы пересдать его, а вопросы для пересдачи обычно были проще.

Чи Ван был очень серьезен; когда дело касалось учебы, он считал, что нужно либо быть лучшим, либо вообще ничем не выделяться.

Ему не удалось получить национальную стипендию; хотя студенты второго курса могли подать заявку, это было чрезвычайно сложно и требовало наличия таких наград, как призовые места на конкурсах. Он много времени посвящал работе, поэтому ему было трудно специализироваться.

Но он мог бы попытаться получить специальную стипендию университета; он слышал, что она может составлять до десятков тысяч юаней.

На самом деле, он также хотел получить социальную стипендию. Размер стипендии в университете Н был намного выше, чем в средней и старшей школе, но он знал, что для ее получения требуются печати из поселковой и муниципальной администрации, подтверждающие финансовые трудности, которые он не мог получить.

Черт возьми, я действительно беден!

Э-э, вообще-то сейчас нет.

Теперь у него появились кое-какие сбережения.

В тот вечер, вернувшись с прогулки с собаками, Чи Ван принял душ. Когда он мыл живот, внезапно почувствовал что-то неладное. Посмотрев вниз, он обнаружил, что мышцы живота расплылись.

Чи Ван: ...

Слишком резко! Я не тренировался всего несколько дней, а пресса уже нет?

После душа Чи Ван вышел и крикнул Ло Ляньюню и Шу Тинью:

— Эй, у меня еще есть пресс?

Ло Ляньюнь обернулся и с удивлением воскликнул:

— Ты поправился!

Шу Тинью внимательно осмотрел его и согласился с Ло Ляньюнем:

— Да, ты немного поправился; пресс уже не так хорошо проработан.

Чи Ван: Маленькая акула перестает думать jrg. *

ПП: Маленькая акула перестает думать - интернет-мем в Китае, изображающий маленькую акулу с отсутствующим выражением лица, используемый для передачи потери дара речи или ошеломления.

Он задумался: В последнее время я совсем забросил тренировки.

Но вообще-то, он мало ел; у него не было аппетита, поэтому переесть было невозможно.

Ло Ляньюнь почувствовал душевное равновесие. Он всегда говорил, что поддерживать идеальный пресс не так-то просто!

Он утешил:

— Похоже, ты тоже из тех, кто легко набирает вес. Если бы ты не занимался спортом каждый день, ты бы тоже поправился!

Чи Ван возразил:

— Ничего подобного! Я не из тех, кто легко набирает вес; я с детства никогда не был толстым.

Поразмыслив, он придумал разумное объяснение:

— Наверное, это из-за того, что я ел острую пищу.

Чи Ван никогда бы не стал считать это своей проблемой; он бы одинаково винил и других, и внешние факторы.

Он принял решение:

— Я больше не буду есть острую пищу.

Ло Ляньюнь сказал:

— Я не думаю, что это причина...

Чи Ван твердо настаивал:

— Это, должно быть, проблема с питанием, эти так называемые «технологические уловки» или что-то в этом роде.

Он искренне считал, что излишества неприемлемы.

Ему также нужно было возобновить свои утренние пробежки!

Однако в 5:30 следующего утра Чи Ван все еще сопел.

Когда он снова проснулся, было уже семь часов.

Чи Ван: ...

У него совершенно сбились биологические часы.

Не имея другого выбора, купив завтрак, он сделал отжимания в общежитии.

Сделав сто отжиманий, он почувствовал слабую боль в животе и был вынужден остановиться.

Он потрогал свой живот и заметил, что в последнее время при интенсивных движениях у него немного болит живот.

Чи Ван счел это странным, потому что у него был очень высокий болевой порог; он почти не замечал физической боли. В противном случае он не получал бы травмы постоянно.

Но в последнее время у него слегка болел живот. Хотя боль была незначительной, для Чи Вана это было странное ощущение.

Может быть, это была даже не боль? Описание боли, данное Чи Ваном, было расплывчатым. Было ощущение, будто что-то царапает его изнутри, чувство тяжести давило на него.

У него было дурное предчувствие. На самом деле, он знал, что притупленное чувство боли опасно...

Но поскольку это была слабая боль, которая беспокоила его так долго, вероятно, это не имело большого значения. До промежуточных экзаменов оставалось всего три дня, поэтому он отложил это на потом.

Чи Ван запросил отпуск со всех трех своих подработок.

За выгул собак и работу кэджи платили ежедневно, но за работу в онлайн, если вы осмеливались взять отпуск, вам сильно урезали зарплату — больше, чем средняя дневная заработная плата.

Ну и пусть; экзамены были важнее.

Три дня он просидел в общежитии, усердно занимаясь учебой.

Вскоре наступили промежуточные экзамены.

Экзамены длились два дня, и Чи Ван быстро их сдал.

После экзаменов он почувствовал, как с плеч свалился груз, и смог вернуться к работе.

Вечером, отправляясь на прогулку с собаками, Чи Ван взял Жареный рис с яйцом и пошел за Сяоми. Он обнаружил, что Сяоми уже на улице; его вывел на прогулку Се Сихэн.

Чи Ван немного удивился и вежливо спросил:

— Старший, ты сегодня сам будешь его выгуливать?

Се Сихэн взглянул на Сяоми, который стоял к нему спиной, и сказал:

— Просто гуляю.

Чи Ван замялся:

— Мне его выгулять или ты сам это сделаешь?

Се Сихэн тут же передал ему поводок:

— Выгуливай его сам.

Чи Ван согласился:

— Хорошо.

Он посмотрел на Сяоми и заметил, что собака выглядит несчастной. Он спросил:

— Вы поссорились?

Опустив взгляд на Сяоми, которого раздражали приставания хаски, и который скалил зубы, готовый укусить, Се Сихэн ответил:

— Никаких ссор.

Просто взаимное раздражение.

Чи Ван оттащил Жареный рис с яйцом и укоротил слишком длинный поводок Сяоми. Держа по одной собаке в каждой руке, он разнял их всем телом.

После этого он протянул руку, чтобы погладить Сяоми по голове, мягко успокаивая его. Только тогда Сяоми высунул язык, выглядя немного счастливее.

В тусклом свете отрывистый голос Чи Вана звучал мягким, гнусавым тоном, что придавало обстановке необычайную теплоту.

Се Сихэн на мгновение опустил взгляд, а затем отвел его, прежде чем Чи Ван это заметил.

Погладив Сяоми и полностью успокоив его, Чи Ван выпрямился и сказал Се:

— Сяоми очень умный, может быть, даже слишком умный, поэтому он отличается от других собак. Старший, тебе нужно чаще с ним разговаривать, немного его уговаривать; иначе собаки тоже могут впасть в депрессию.

Се Сихэн все понял; Чи Ван тонко его критиковал.

Он слегка нахмурился, но быстро успокоился:

— Я не знаю, как уговаривать.

Чи Ван покачал головой:

— Ты даже собаку не умеешь приручать? Старший, тебе нужно этому научиться. Я найду для тебя какие-нибудь книги.

Он достал телефон и в течение минуты отправил Се Сихэну сразу несколько названий книг:

«Техники ведения беседы, способствующие развитию эмоционального интеллекта: говорите и располагайте к себе людей!»

«Овладение навыками ответа: умение говорить — это преимущество; умение отвечать — это навык.»

«Научитесь выражать и понимать коммуникацию.»

«Диалог в китайском стиле с высоким уровнем эмоционального интеллекта.»

Се Сихэн: ...

Ему показалось, что его отчитывают, причем довольно резко.

Наблюдая за быстрыми действиями Чи Вана, Се Сихэн тихо спросил:

— Это твой список литературы для чтения?

Чи Ван был застигнут врасплох, но моргнул и естественно улыбнулся:

— Ага, я сам читаю эти хорошие книги. Я тебе их рекомендую; мы можем вместе научиться вести беседы с высоким эмоциональным интеллектом.

Се Сихэн: ... Его эмоциональный интеллект действительно на высоком уровне — он так тактично отчитал меня.

<http://bllate.org/book/14359/1328119>